

ФИЛОЛОГИЯ

ББК 81.2. - 2

**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПОСЛЕЛОГОВ
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА XVIII в. (на материале исторических писем)***Е.В. Бембеев, Н.Д. Асирова**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-36760е/Ю*

Статья посвящена системному описанию и структурно-семантическому анализу пространственных послелогов, выявленных на материале языка писем калмыцких ханов XVIII в.

Ключевые слова: *грамматика, служебные слова, калмыцкий язык, послелогов, локативы, старописьменный калмыцкий язык XVIII века.*

The article is dedicated to the system description and structural-semantic analysis of the spatial postpositions revealed on material of the Kalmyk khans' letters language of the XVIIIth century.

Keywords: *grammar, syntactic words, the Kalmyk language, postposition, lokatives, the old written Kalmyk language of the XVIIIth century.*

Изучение служебных слов калмыцкого языка – одна из актуальных задач современного калмыцкого языкознания, имеющая и общемонгольское значение. В описательном, сравнительном и сопоставительном планах вопросы служебной лексики в калмыцком языке изучены недостаточно. Более того, необходим всесторонний охват материала, в том числе и данных по письменным памятникам калмыцкого языка, что позволит достаточно адекватно отобразить особенности калмыцких служебных слов. Настоящая статья посвящена системному описанию и структурно-семантическому анализу пространственных послелогов, выявленных на материале языка писем калмыцких ханов XVIII века. Объектом настоящего исследования является морфологическая структура калмыцкого языка XVIII века, предметом исследования – пространственные послелогов калмыцкого языка XVIII века.

Для монгольских языков, в том числе и для старописьменного калмыцкого, характерна высокая частотность употребления данных релятивных слов, поэтому эти языки можно назвать «послеложными» [1, с. 15; 2 с. 90]. Как отмечают многие исследователи, данная часть речи до сих пор недостаточно глубоко изучена в языкознании и находится, как и другие служебные слова, в состоянии «научно-исследовательской неопределенности». Первые сведения о послеложных мы находим уже в ранних монгольских грамматиках и грамматических пособиях практического характера. Одни исследователи называли их «послеложными» [3; 4; 5], другие относили этот класс слов к частицам и наречиям [6; 7]. В последующих грамматиках послелог выделяют в отдельную часть речи [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15 и др.]. Исследованию семантики послеложных конструкций и падежных форм в современных монгольских языках посвящены монографическая работа С.М. Трофимовой [16],

специальные статьи [2, с. 90-111; 16, с. 221-273; 17 с. 133-147]. Изучению послелогов калмыцкого языка в историко-сопоставительном аспекте посвящены работы А.Л. Лиджиевой [18; 19].

Послелогов – одно из основных средств характеристики движения объекта и его местоположения в пространстве и времени, выражения значений цели и причины, отношений следствия, образа действия, сравнения, совместности и других более обобщенных грамматических значений. Известно, что выражение пространственных отношений между объектами реальной действительности – важнейшая функция послелогов. Из локальных представлений постепенно развивается представление о времени, т. е. абстрактное понятие пространства, что находит отражение в языке. Это связано, вероятно, с тем, что пространственные и временные представления – это явления самой древней формации в языке. Но развитие и совершенствование языка есть процесс постоянный и бесконечный, поэтому состав послелогов, число грамматических значений – падежных и разнообразных семантических отношений, выражаемых в языке послеложными конструкциями, значительно пополняется. В связи с этим специальное исследование системы пространственных послелогов на материале старописьменного калмыцкого языка вызвано необходимостью уточнить их состав и классификацию, структурно-семантические и функциональные признаки, что окажется плодотворным для дальнейшего изучения этого разряда служебных слов в историко-сопоставительном аспекте.

Данный разряд служебных слов, управляя падежными формами имен и субстантивированных слов от других частей речи, дополняет и уточняет их значения, образует послеложные конструкции, выражающие самые разнообразные отношения между двумя объектами, между объектом и при-

знаком, между объектом и действием в составе именных, адъективных и глагольных словосочетаний. Если падежи являются грамматической категорией, то семантико-функциональное содержание послелогов (> послеложных конструкций) дает основание считать их объектом не только синтаксиса, но и лексики, и морфологии. Поэтому исследование послелогов калмыцкого языка в диахронии имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как изучение данного разряда слов как «межуровневой единицы» тесно связано с задачей создания общего курса морфологии калмыцкого языка, а также исторической грамматики калмыцкого языка.

Материалом для исследования послужили письма калмыцких ханов XVIII века и их современников, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК) и «представляющие собой особую культурную ценность» [20, с. 8]. При исследовании способом сплошной выборки были выявлены послелог и послеложные конструкции, зафиксированные в текстах 107 писем калмыцких ханов XVIII века, которые хранятся в фонде № 36 Национального архива Республики Калмыкия, а также опубликованы в книгах Д.А. Сусеевой и Д.Б. Гедеевой [20; 21].

В языке писем калмыцких ханов XVIII века система пространственных отношений, выраженная в виде послеложных конструкций, представлена широко и разнообразно. Послелогоми выражаются обстоятельственные отношения места пребывания предмета, лица или осуществления действия. Ориентир мыслится как объект, организующий вокруг себя некоторое пространство; в свою очередь это пространство делится на целый ряд групп или классов, которые и составляют частные значения локализации. Пространственные отношения калмыцкого языка XVIII века можно разделить на два основных класса: ориентирующие и двигательные. Среди ориентирующих выделяются послелог и со значением внутреннего и внешнего расположения, верха и низа, вертикальности, наклонности, передней, задней стороны, близости, дальности и др. Среди двигательных – послелог и со значением направленности и ненаправленности, ограниченности и неограниченности движения.

1. Ориентирующие значения послелогов

Локативная семантика послелогов, зафиксированных нами в языке писем XVIII века, выражается посредством реализаций следующих смыслов:

1.1. Внутреннее и внешнее расположение

1) Положение или совершение действия предмета или лица во внутреннем пространстве выражается следующими послелогоми: **Дотор** «в, внутри, среди». Например: ...*Болбочиги нигэ аңги мини тагта доторо...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1.

Д. 52) – «Несмотря на это, одна часть моих людей (находится) в местности Тагта». Послелог **дотор** является весьма распространенным послелогом в монгольских языках. Прослеживая историю употребления этого послелога в значении «в, внутри, среди», следует отметить, что он широко представлен в классическом монгольском языке в форме **dotur-a**, что говорит о его древнем происхождении [19, с. 24]. Он управляет основой имени и – реже – родительным падежом. Традиционно семантика данного послелога описывается как «местонахождение или совершение действия внутри ориентира».

Дотороки «в, внутри, среди». В отличие от послелога **дотор**, послелог **дотороки** «в, внутри, среди» в сочетании с управляемым словом в именительном падеже выполняет атрибутивную функцию. Сравнить: *Тагта дотороки улусий мани элчи бичиг илгэжи наара ьатульажи мана шидар байихуна...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Если отправите с сопроводительным письмом наших людей из местности Тагта и переправите их сюда, поближе к нам...».

Хазаа «вне, снаружи, за». В калмыцком языке XVIII века для обозначения внешнего расположения ориентира употребляется послелог **хазаа** «вне, снаружи, за»: *Хулахайичи халимаг базарасаа хазаа* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «Калмык-грабитель – за базаром». В монгольском языке данному послелог соответствует **гадаа** или форма **гадна**, в бурятском – **газаа**. Как отмечает в своем исследовании Л. Лиджиева, «исторически этот послелог, в классическом языке выступал в форме **γадана**, где, помимо своего значения «кроме», в сочетании с родительным падежом употреблялся в значении «вне». В современных монгольских языках он управляет родительным и исходным падежами, обозначая местонахождение за, вне ориентира» [19, с. 26-27].

Захаду «к краю, на краю». В исследовании «Семантика пространственных послелогов калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении» автор отмечает, что «послелог **захаду** (зазд – в современном калм. яз.) образовался от существительного **заха** «край» сравнительно недавно» [19, с. 26-27]. Между тем необходимо отметить, что данная послеложная конструкция имела место в старокалмыцком письменном языке XVIII века: «*Цэриг мани түрүүни нутугийин захаду ирэжи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5) – «Войско прибыло к переднему краю нашего владения»; *Нутугийин захаду цэриг ьарба бида* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «Мы выставили войско на границе кочевья». Так же, как и в современном калмыцком языке, данный послелог, обозначая внешнее расположение ориентира, указывает на его более удаленное расположение. Кроме того, он требует управления родительным падежом.

1.2. Значения верха и низа

1) Значение расположения ориентира на поверхности в языке писем XVIII века передается послелогом *дээрэ* и *дээркэ*.

Дээрэ «на, по, в». Послелог *дээрэ* является одним из самых распространенных и продуктивных служебных слов, зафиксированных нами в исследуемых текстах, что, собственно, еще раз подтверждает мнение исследователей о том, что данный послелог – один из самых распространенных в монгольских языках. Необходимо также отметить широкий круг значений данного послелога, основными из которых являются обозначение нахождения или совершения действия на поверхности. *Нада улуши чима дээрэ цуглуулуула чимай би итэгэбэби* (НА РК. Ф. 36. Д. 22) – «Наших людей соберем у тебя, тебе доверяю»; *Зархутай күүги хош дээрэ мини буулайита* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 22) – «Виновного человека доставьте в мой стан».

Дээрэки «находящийся на». В монгольских языках от послелога *дээр* образуется локально-атрибутивный послелог *дээрэки*. Большая группа контекстов с данным послелогом также используется для выражения нахождения или действия на поверхности. Этот послелог имел употребление и в языке письменных памятников XVIII века. В современных монгольских языках, выступая в сочетании с основой имени, данный послелог получил широкое распространение [19, с. 29]. *Үгэни хуу дээрэки бүргээдэрийин ойирони* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «По словам, находится возле бригадира, (расположившегося) в верховьях оврага».

2) Расположение или действие под чем-либо выражается следующими послелогом: *доро* «под».

Основное функциональное значение данного послелога – это обозначение расположения или осуществления действия в нижней поверхности пространства: субстанции (земля, вода), предметы (стол, кровать), части лица (нос, глаза), сооружения (шатер, крыша), географические объекты (холм, гора, откос) и др. Употребление послелога *дороо* в этом значении зафиксировано в самых ранних памятниках старомонгольской письменности. В письменных памятниках калмыцкого языка XVIII века этот послелог также имел широкое употребление: *Зүүн хошоуд хойор Эжилийин доро бэлчиртү йабу гэгсэн цоохор дөрбөд хойор Эжилийин дээгүр мана тохой ноур*. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 41) – «Зунам (зюнгарам – авт.) и хошудам были предоставлены места кочевий по склонам в низовьях Волги, а цохорам и дербетам – в верховьях Волги, по излуцинам реки»; *Нигэ зарим мини Дондуг Даши доро*. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Некоторые мои люди кочуют ниже (владений) Дондуг Даши».

Дороо/дороой «под». Послелог *дороо* также обозначает нахождение ориентира под чем-либо.

В языке XVIII века этот послелог также имел употребление: *Такийин дороой хатулху айастай йабунай гэнэй* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 49) – «Говорят, что они едут с намерением переправиться под Такием»; *Цагаан Аман дороо хорин табун күү...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Под Цаган-Аманом двадцать пять человек...».

Дороки «находящийся под, внизу». Данный послелог, конкретизируя местонахождение или место совершения действия, обозначает строго нижнюю область локализации предмета или действия. *Манай күүнэй зурхаан морин балхасуни дороки захасучинар хатулжси* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «Шесть лошадей нашего человека переправили с помощью рыбаков, находящихся ниже города».

1.3. Значения передней и задней стороны

1) Обозначение передней стороны в языке писем передается послелогом *өмөнө* «перед». Например: *Мини номоор бурхани өмөнө андахаар кэгчи учирни...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «По моей вере причина клятвы перед бурханами». В данном примере послелог *өмөнө*, выступая в сочетании с родительным падежом, передает значение местонахождения или действия объекта/предмета перед ориентиром.

Цаа, ца «сзади, за». Послелог *цаа* указывает на местонахождение или действие предмета позади чего-либо. Управляя родительным падежом, данный послелог находит свое употребление в текстах писем. *Зүүгэр йэкэ цэригийин цаа хойор зоун табин дуунай хазар байидагжи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 442) – «Они стоят за большой армией на расстоянии двухсот пятидесяти километров». На основе послелога *цаа* образуется локально-атрибутивный послелог *цаару*, указывающий на местонахождение или действие предмета позади чего-либо: *Дайин урид зангги абаад Эжил цаару амин хатулжси дуусчи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 327) – «Получив известие до сражения, они успели переправить всех людей за Волгу».

1.4. Значения близости и дальности

Для обозначения близости расположения или осуществления действия в языке писем нашли отражения следующие послеложные конструкции:

Алдаду «около, вблизи, у». Пространственным значением данной локализации является местонахождение или совершение действия около ориентира: *Тэрэ алдаду халмаг күүн арбан найман мори нигэ күү абчи гэжси* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5) – «Говорят, что один калмык около тех мест захватил одного человека и угнал восемнадцать лошадей».

Алдадуни «около, вблизи, у». Например: *Тэрэ алдадуни ураала оло хулунай кэгсэн олоорту хулунайчи гэгсэн нэрэтэй Сазан Семүүн гэдэг орос бийчиги санжси энэ болоод тэрэ алдайн оросуудту али хатоунар зарлажси* (НАРК. Ф. 36.

Оп. 1. Д. 351) – «Но поблизости того места находится русский человек, именуемый Семен Сазан, который наперед сего во многих воровствах приличенный, да и многими людьми, что он вор, сведом».

Ойиро «около, рядом, у, возле». К группе послелогов, указывающей на местонахождение около ориентира, относится и послелог **ойиро**. Он, управляя родительным падежом, выражает близкое к чему-либо расстояние. В письмах калмыцких ханов этот послелог имеет широкое распространение: *Тани ойиро эмэ үрэнэй бий* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3) – «У вас находятся их жены с детьми»; *Дайини ойиро түйимэр үзэжэ ирэбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 130) – «Говорят, что возле сражений видели пожары».

Тус «у, напротив». Послелог *тус*, управляя именительным и родительным падежом, также указывает на расположение или совершение действия предмета или лица, напротив, у ориентира: *Шара Хамиш тус тэрэ тала байина гэнэй* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Говорят, что все они находятся на той стороне, напротив Камышина»; *Эжэлийин көбөө шидар хабан атуугийн дороду үзүүр тус байижэ бэлэй би* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35) – «Я находился вблизи берегов Волги прямо напротив нижних склонов Хабан Атуга».

Шидар «около, вблизи, при». Пространственное значение послелого **шидар** выражает нахождение или совершение действия около, возле ориентира. Он может употребляться, управляя именительным и родительным падежами. *Айху занги үгэй болхуна чимала шидар байиху болбо* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «Если нет тревожных вестей, решил находиться недалеко от тебя».

Эргэндү «около, вокруг, возле, в окрестности». Данный послелог обозначает месторасположение или совершение действия вокруг, около ориентира и управляет родительным падежом: *Өбөчи өгүсээн күмүн олон төлөө тэдэни һазарни эргэндү бузар болжэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Так как заболевших было много, места вокруг их проживания считались зараженными».

Уруу «ниже». Пространственное значение этого послелого выражает нахождение ориентира в некоторой отдаленности от места или предмета по направлению вниз. В тексте памятников он употребляется, управляя исходным падежом. Например: *Усуни һатүльһаан бури цэриг Ахашааса уруу өгүйтэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6) – «Ниже Царицына дайте караулы для каждой переправы»; *Хазаг манааса абугсани табин һурбан өрөкө Чийирээсэ уруу бузугийн бэлцээр күртэлэ...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Пятьдесят три семьи, захваченных казаками, у нас находятся ниже Чийира до склонов Бузуга».

Особенность употребления и наличие послелого **уруу** в письмах XVIII особо интересно тем, что в современном калмыцком языке он «утратил первоначальную фонетическую структуру (*уруу > уру > ур*) и стал употребляться в грамматическом значении, показывающем направленность действия на предмет; в современных монгольском и калмыцком языках, он стал показателем направительного падежа» [19, с. 20]. Это еще раз свидетельствует о том, что процесс семантико-грамматического симбиоза послелого и падежной формы имени длится уже много лет. В ходе исторического совместного функционирования с падежами послелог испытывал воздействие со стороны наиболее семантически сильных грамматических категорий имени, к которым относится категория падежа. По отношению к падежам послелогои представляют как бы резерв, выполняющий дополнительные категориальные функции (функции отношения слова к слову). В процессе исторического становления падежной парадигматики находит свое проявление такой факт, как семантическая диссимилиация [22; 19, с. 20].

Өөдөн «выше». Пространственное значение послелого **өөдөн** выражает нахождение ориентира в некоторой отдаленности от места или предмета по направлению вверх. *Бичигийн учир тагтаа сан уруй кэрэмэнээсэ өөдөн Тэнг гийин көбө гийин өбөсү* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35) – «Ниже нашего моста, выше Черкесска трава по побережью Дона...».

Хоораан «вверх, к северу, в сторону». Послелог выражает нахождение ориентира в некоторой отдаленности от места или предмета по направлению вверх, к северу. *Үүнээсэ хооран нойон Доржзийни нутуг байинай* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «К северу отсюда находится кочевье нойона Дорджи»; *Одоо Тэнг һатүлжи нүүл гэкүдү тогтойо гэжи Йаман ду кэлөөлээд тагтааса хоораан һаралай бида* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 115) – «На предложение сейчас переправиться через Дон, мы передали Яману, что остановимся, а сами удалились от моста».

1.5. Значения пространства в середине, в центре, между ориентирами

Дунда «среди, между, в центре, в середине». Данный послелог употребляется в сочетании с именительным и родительным падежами для выражения значения местонахождения или осуществления действия в центре или в середине чего-либо. Например: *Йэру Доржзийн манай хойор дунда кэрэгтэй күүн тасураху үгэй биши* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «В общем, между нами и Дорджи связь через нужных людей не прервется, не так ли?».

Забсарту «между». Основное значение послелого заключается в том, чтобы выразить поло-

жение объекта между какими-либо объектами или территориями. Этот послелог управляет родительным падежом. Например: *Тэңг Эжилийн забсарту үбэлзэнэн би* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Я буду зимовать в местности между Доном и Волгой».

Забсараар «**между чем-л.**». Данный послелог употребляется в сочетании с родительным падежом для выражения значения местонахождения или осуществления действия в середине чего-либо. К примеру: *Шара тоу Шара Хамис хойоулайин забсараар натулаһанайибида* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35) – «Мы переправляем между Саратовым и Камышиным».

2. Двигательные значения послелогов

Данный вид послелогов служит для обозначения того, куда, откуда и как осуществляется движение объекта, относительно ориентира. Можно выделить следующие двигательные значения послелогов:

2.1. Направленность действия в сторону ориентира и со стороны ориентира

1) Направленность движения в сторону ориентира передается следующими послелогом: **дээрэ** «**по направлению, к**». Полисемичный послелог **дээрэ** может обозначать направленность действия к ориентиру. В этом случае он управляет именительным и родительными падежами. Примеры с данным значением довольно часто встречаются в письмах XVIII века: *Энэ бичигүүдийин мини дээрэ күргээд хариугини абаад бичиуд нааран илгэбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 42) – «Доставив эти письма ко мне, получив на них ответы, отписал сюда». *Манай дээрэ ирээжи зарһу хаһалдаг бэлэй* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 42) – «Прибыв к нам, рассматривали тяжбы».

Тала «**к, по направлению, в сторону**». Данный послелог, сочетаясь с основой имени, выражает направленность в сторону ориентира. *Данжын Доржи Эргэни тала һарчи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3) – «Данжин Доржи направился в сторону Ергеней».

Дээрээсэ «**с, из**». Основное значение данного послелого – движение с поверхности ориентира. Послелог в языке писем весьма распространен. *Балһасун дээрээсэ онгоцо усун үзэгдэл үгэй аашин гэнэй төүни зангини йоун би төүни манду кэлүүл* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. д. 2) – «Говорят, что из города незаметно движется судно по воде, что это за новость, расскажи нам об этом».

Дотороосо «**из, изнутри**». Послелог показывает движение изнутри пространства наружу, из ориентира. Данный послелог употребляется в сочетании с именительным падежом: *Хаани баригдагсан элчи эжилийн көбөөгөөсө цэриг дотороосо орһожжи ирибэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2) – «Посланник хана, ранее захваченный в плен, бежал из лагеря противника, (который находится) на берегу Волги, и прибыл к нам».

Ойироосо «**от**». Послелог в форме исходного падежа показывает движение от какого-либо объекта, от ориентира. Например: *Дондук Дашийн ойироосо нүүжси нада ирэбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 22) – «Перекочевал ко мне от Дондука Даши».

Таласа «**с, со стороны, от, из**». Данный послелог обозначает движение от какого-либо объекта, от ориентира. *Одоо чиги Айидархан таласа йэкэ баһа зангги болхуна бичижси илгэгтүн* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2) – «И сейчас, если имеются большие, малые вести из Астрахани, то напишите».

Зүгээсэ «**со стороны, от, из**». Послелог в форме исходного падежа показывает движение от какого-либо объекта, от ориентира. Может управлять родительным падежом. Восходит к существительному **зүг** (направление, сторона) в форме направительного падежа. *Сэркэшийн зүгээсэ Моздогийин балһасун айху зангги байхунай төлөө...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 389) – «Пишите Вы, что я для могущих быть опасных известей со стороны кабардинцов...».

Цайһааса «**со стороны, от, из**». Послелог обозначает движение от какого-либо объекта, от ориентира. *Доржени көбөөд Лобза Бай хойор долоон мингһан цэригтэй Эжил цайһааса ирээжи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4) – «Два сына нойона Дорджи Лобза и Бай с семитысячным войском прибыл из-за Волги».

Захаса «**с края, со стороны**». Послелог обозначает движение от какого-либо объекта, от ориентира. *Йэрү Хобони мангһуд эбдэрэжи йэкэ үгэй һагца болугсан ду цэриг мордожси нутугийин захаса мордожси Хобонду күрэби* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 317) – «Кубанские татары не понесли большого ущерба, но, находясь в одиночестве, я со своим войском выступил от границ нутука и добрался до Кубани».

Дээгүр «**над, поверх, по**». Послелог **дээгүр**, употребляясь в сочетании с основой имени, характерен для всех монгольских языков. Примеры функционирования данного послелого мы находим и в старописьменном калмыцком языке XVIII века. *Манжси доутугий мингһан табун зоун һолир усун дээгүр абачи ирэбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Манджи привез по воде недостающие 1500 кг муки».

Өйигүүр «**вблизи, рядом, мимо**». Значение данного послелого состоит в указании на движение вблизи, мимо ориентира. *Балһасуни өйигүүр тэдэни дайлажси абугсан адоу үзэжси ирэбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Рядом с городом видел табун лошадей, угнанный ими».

Цаару «**за**». В отличие от атрибутивного **цаару**, обозначающего положение предмета за ориентиром, значение послелого **цаару**, управляющего исходным падежом, состоит в указании на

движение за ориентиром. *Нутук бидан өөдөлөжү Айишин Читэрээсэ цаару нөүбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52) – «Нутук наш стал подниматься выше по реке и откочевал за пределы владений Айшева Читера».

ҺазааҺааса «из-за, из вне». Послелог обозначает движение от какого-либо объекта, от ориентира. Например: *Мана нутугийин һазааҺааса ирэгчи дайигийини дайилажчи...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2) – «Воевали с противниками, пришедшими со стороны...».

Ойироосо «от». Послелог обозначает направление движения от ориентира. Например: *Хабур Сасагийн ойироосо миний нигэ зайсанг кэсэг өрөкүтэй Соломин ойиро очи* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 316) – «Весной один мой зайсанг с большим количеством семей откочевал от Сасага к Солому».

2.2. Ограниченность и неограниченность движения в пространстве

Күртэлэ «до». Пространственное значение послелога *күртэлэ* выражает ограниченность движения, т.е. показывает определенное расстояние объекта, до которого распространяется действие. В старописьменных языках этот послелог встречается в сочетании с дательным падежом. Например: *Эжилийн ороши йангхала күртэлэ харуулан сайитур хаарулжчи манду зангги кэрмэни чимаду* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2) – «Вплоть до Черного Яра расставить как следует дозор, постоянно присылать нам вести».

Һазараан «за». Послелог обозначает неограниченность движения от ориентира. Например: *Кэрбэ һатулба гэм балһасу һазараан одуху бишу* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 46) – «Если переправляться, то болезнь распространится за пределы города, не так ли?».

Итак, анализ материала более 100 писем калмыцких ханов показывает, что для калмыцкого языка того периода характерно наличие богатой системы пространственных отношений, выраженных посредством послеложных конструкций. В тексте писем нами были зафиксированы 39 послелогов:

- Алдадуни «около, вблизи, у»
- Алдаду «около, вблизи, у»
- Һазаа «вне, снаружи, за»
- Һазараан «за»
- ҺазааҺааса «из-за, из вне»
- Дээрэ «на, по, в»
- Дээрэ «по направлению, к»
- Дээгүр «над, поверх, по»
- Дээрээсэ «с, из»
- Доро «под»
- Дороо «под»
- Дороки «находящийся под, внизу»
- Дунда «среди, между, в центре, в середине»
- Дотор «в, внутри, среди»
- Дотороки «в, внутри, среди»

- Дотороосо «из, изнутри»
- Забсараар «между чем-либо»
- Забсарту «между»
- Захаду «к краю, на краю»
- Захаса «с края, со стороны»
- Зүгээсэ «со стороны, от, из»
- Күртэлэ «до»
- Ойироосо «от»
- Ойиро «около, рядом, у, возле»
- Өйигүүр «вблизи, рядом, мимо»
- Өмөнө «перед чем-либо»
- Өөдөн «выше»
- Тала «к, по направлению, в сторону»
- Таласа «с, со стороны, от, из»
- Тус «у, напротив»
- Уруу «ниже»
- Хоораан «вверх, к северу, в сторону»
- Цаа, ца «сзади, за»
- Цаару «за»
- ЦайиҺааса «со стороны, от, из»
- Шидар «около, вблизи, при»
- Эргэндү «около, вокруг, возле, в окрестности».

В частотном плане наиболее употребительными послелогоми являются формы *ойиро* (63), *дээрэ* (26), *тала* (16), *шидар* (10), *дороо* (7), которые в текстах проанализированных писем встречаются более 7 раз. В языке писем существуют формы, отражающие специфичные формы выражения того или иного пространственного значения и не встречающиеся в современном калмыцком языке. Например, послелог *зүгээсэ* «со стороны, от, из», который восходит к существительному *зүг* (направление, сторона) в форме направительного падежа. В современном калмыцком языке в результате метатезы слово получило новое фонетическое оформление – *үзг* (сторона, направление). *Сэркэшийин зүгээсэ Моздогийин балһасун айиху зангги байихунай төлөө...* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 389) – «Пишете Вы, что я для могущих быть опасных известей со стороны кабардинцев...».

Анализ смысловых пространственных отношений, выражаемых послелогоми в языке писем, позволяет наблюдать реализацию смысла в различных ситуациях, показывает, насколько разнообразны эти отношения, насколько непредсказуемы возможности самих послелогов с точки зрения прагматики. Их система задает представление о «структуре пространства», о разных направлениях его измерений.

На исследуемом материале есть возможность наблюдать процесс соотношения значений послелогов и падежных показателей. Например, послелог *уруу* имел широкое распространение в языке XVIII века, но в процессе семантической диссимилиации превратился в современном калмыцком языке в показатель падежной парадигматики.

Анализ послеложных конструкций в языке писем XVIII века позволит внести дополнительные сведения для дальнейшего углубленного изучения данной части речи в калмыцком языке в историко-сопоставительном освещении.

*СПИСОК ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ*

1. Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 186 с.
2. Бадмаев Б.В. Проблема служебных частей речи в современном калмыцком языке: послелог // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка: сб. науч. ст. М.; Элиста, 2000. С. 90–112.
3. Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. СПб., 1832. 133 с.
4. Ковалевский О. Краткая грамматика монгольского языка. СПб., 1835. 202 с.
5. Попов А.В. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847. 390 с.
6. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 403 с.
7. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Прага, 1929. 418 с.
8. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.; Л., 1940. 158 с.
9. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: в 2 т. М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. 1. 240 с.
10. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951. 196 с.
11. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962. 340 с.
12. Бадмаев Б.В. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966. 116 с.
13. Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаанбаатар, 1966.
14. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983. 336 с.
15. Трофимова С.М. Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты. Новосибирск: Наука, 1989. 95 с.
16. Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М.: Наука, 1993. 304 с.
17. Тодаева Б.Х. Послелог в калмыцком языке // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 133–147.
18. Лиджиева Л.А. Послелог калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении: автореф. дис... канд. фил. наук Элиста, 2004.
19. Лиджиева Л.А. Семантика пространственных послелогов калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении: учеб. пособие. Элиста, 2008. 62 с.
20. Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века: опыт лингвистического описания. Т. I. Элиста, 2002. 456 с.
21. Гедеева Д.Б. Письма наместника калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Элиста, 2004.
22. Орловская М.Н. О грамматикализации некоторых лексических единиц в монгольских языках // Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988. С. 25–33.

ББК 81.2(2Росс=Калм)

**К ИЗУЧЕНИЮ СИНОНИМИИ И АНТОНИМИИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале «Калмыцко-русского словаря» 1977 г.)**

Н.М. Мулаева

В статье рассматриваются синонимия и антонимия в калмыцком языке на материале «Калмыцко-русского словаря» под ред. Б.Д. Муниева (М: Русский язык, 1977). Калмыцкий язык очень богат синонимами и антонимами, которые не в полной мере охвачены в словарных статьях данного словаря. Изучению синонимии посвящено немало исследований, но еще нет специальных работ, посвященных рассмотрению антонимии в калмыцкой лексикографии.

Ключевые слова: синонимы, антонимы, словарь, калмыцкий язык.

This article is devoted to synonymy and antonymy in the Kalmyk language on a material of «Kalmyk-Russian dictionary» under edition of B.D. Muniev. The Kalmyk language is very rich with synonyms and antonyms, which are to the full captured in entries of the given dictionary. Many researches are devoted to the synonymy studying, but still there are no special works devoted to consideration of antonymy in Kalmyk lexicography.

Keywords: *synonyms, antonyms, dictionary, the Kalmyk language.*

Цель данной статьи – рассмотреть синонимию и антонимию в калмыцком языке на материале «Калмыцко-русского словаря» под ред. Б.Д. Муниева [1].

Вопросы синонимии калмыцкого языка рассматривались в работах Р.А. Джамбино-

вой [2], Г.Ц. Пюрбеева [3], Э.Ч. Бардаева [4], А.Л. Каляева [5], П.Б. Федоровой [6], М.У. Монраева [7], также имеется «Словарь синонимов калмыцкого языка», составителем которого является М.У. Монраев [8]. Это первая лексикографическая работа, в которой автор пытается наиболее